

НАТАЛИЯ РОЩИНА

СУЕТА
СУЕТ

Наталия Рощина

Суета сует

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21587452
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Мила Смыслова давно живет работой. Только в ней, в своей удачной карьере, она видела смысл жизни. Поклонники, успех, рейтинг канала – вот что волнует популярную телеведущую. Она даже решает разорвать отношения с человеком, который был рядом с ней двадцать пять лет – со своим мужем, Максимом, отцом единственного сына, Кирилла. И тогда, когда она, казалось, получила все, чего хотела, начинают происходить странные вещи. Мила вдруг понимает, что совершила самую большую ошибку в своей жизни. Она перепутала приоритеты. Она теперь одинока, известна, но, разве успех и слава бывают долговечны? Единственное существо, которое неожиданно поддерживает Милу – невестка Катя. Это парадоксально, ведь Мила никогда не проявляла к ней никакого внимания. Юная девушка становится хрупким связующим звеном между прошлым и будущим запутавшейся женщины. Болезнь тоже приходит невовремя. Почувствовав себя незащищенной, Мила то и дело вспоминает о Максиме – ее единственном преданном друге, безмолвно выполнявшем свой долг отца и мужа при вечно занятой жене. Мила мало внимания уделяла сыну. Он рос, не избалованный ее

теплом и заботой. Поэтому, узнав, что скоро станет бабушкой, Мила в растерянности: ей говорили, что внуков любят больше, чем детей. Ей так трудно в это поверить, ведь Кирилл было так мало в ее жизни. Иногда судьба бывает к нам благосклонна. Особенно, в тех случаях, когда человек искренне раскаивается в содеянном. Мила хочет вернуть себя, свою жизнь. Она снова хочет твердо стоять на ногах. Но теперь это не будет связано исключительно с ее работой. Никогда не поздно признать собственные ошибки...

Наталия Рощина

Суета сует

Дождь шел уже вторые сутки. Это был не ливень, а монотонный дождь, с тяжелыми, большими каплями, оставляющими пузыри на лужах. Казалось, на небе больше никогда не засияет солнце, его надежно заслонили тяжелые, свинцовые тучи. Не разогнать их ни сильному ветру, ни взглядам тысяч уставших от дождя людей. Поднимают они глаза, пытаясь разглядеть в бесконечной давящей серости хоть какие-то признаки изменения погоды. Но у той свои планы. После нескольких жарких дней она решила щедро напоить высохшую землю, разнотравье, прибить дорожную пыль. А потому отложены намеченные пикники, выходные проходят по-домашнему размеренно в ожидании милости от стихии. А ведь так хотелось в эти июльские дни поплескаться в речке, позагорать на пляже. Но нет солнца, нет летней жары, нет ничего, на что надеялись уставшие от каждодневных забот горожане.

Милу такая погода тоже приводила в полное уныние. Еще бы! Первый отпуск за много лет проходит под знаком сырости. Не нужно было соглашаться. Кому, в конце концов, нужен этот отпуск, когда лучший отдых для нее – работа? Без нее все не в радость. Как можно так празднично проводить время, убивать его бездействием? Мила злилась на саму себя за

то, что добровольно оказалась в непривычной роли. Дома так тихо, так безжизненно, а ей тишина противопоказана. И телефон молчит. Даже лучшая подруга не почувствовала, что Мила нуждается в ее звонке. Должна была почувствовать. Поговорили бы, а там, может, и хандра бы отступила. Слишком она взяла верх. Тут недалеко и до депрессии. Обычно Мила посмеивалась над теми, кто рассказывал о ее пагубных последствиях, но в этот день ей было совсем не до смеха. Нужно срочно поднять настроение! Как? Взгляд упал на открытый номер журнала. Раньше она сама подписывала номера одного из самых раскрученных журналов в печать. Она была главным редактором, хорошо знала вкусы читателей, а потому последнюю страницу журнала обязательно посвящала тому, с чего многие начинают его чтение. Милу раздражало то, насколько люди прислушиваются к прогнозам астрологов, строят день в соответствии с гороскопами, свои удачи и просчеты связывают расположением звезд. Бред какой-то! Мила давно следовала правилу не обращать на эту игру слов никакого внимания. Ей не нужны советы, прогнозы, взятые с потолка. Ее окружение привыкло к тому, что советовать Миле – неблагодарное занятие, знали, что при ней обсуждать астрологические прогнозы – лишний повод нарваться на ее язвительный комментарий.

– У кого сегодня все утрясется в личной жизни? Кто обязан проявить деликатность на работе? Для кого велика вероятность попасть в дорожно-транспортное происшествие? –

иронично посмеиваясь, она с удовольствием замечала, как съезживаются под ее взглядом сотрудники, минуту назад активно обсуждавшие новый гороскоп. – Ну, не жалко тратить на это время?

Она удалялась, стуча каблуками, не слыша того, что звучало ей вслед. Ничего плохого, грубого, но и особой теплоты в этих словах не было. Немного зависти, немного колкости, всего по чуть-чуть. В любом случае Милу комментарии не интересовали. Она обладала удивительной способностью отмахиваться от себя все, что мешает нормальному, спокойному существованию. Работать, испытывая от этого кайф, – а что там говорят по поводу ближайшего будущего астрологические светила, Милу не интересовало.

Смыслова не испытывала никакого желания отступить от своих правил и сегодня, несмотря на то, что день явно не вписывался в привычный ход событий. Все было не так: непривычно много свободного времени, которое некуда девать. Кому был нужен этот отпуск? Не садись не в свои сани. Мила и безделье несовместимы. Теперь придется пожинать плоды собственной уступчивости. Растаяла от очередного проявления знаков внимания со стороны генерального директора. Это было приятно, но все же не стоило того, чтобы принимать заботу начальства за чистую монету.

Хлебников – дитя своего времени. Головокружительная карьера, которой завидовали многие, но при этом трудоспособность колоссальная. Никогда не бывает мрачным. Он все-

гда вежлив, деликатен. Общение с ним – своеобразный наркотик, привыкнув к которому, ощущаешь зависимость. Но эта тяга приятная, потому что настоящие мужчины, настоящие профессионалы рядом – большая удача. К тому же у них с Милой отличные отношения, которым завидуют сотрудники. Единицы делают это открыто, большинство тихо ненавидят Милу, зная, как высоко ценит ее Хлебников. А он всегда подчеркивает, что Смысллова – его визитная карточка и счастливый билет для всей телекомпании. Как же она могла отвергнуть в который раз его настойчиво-вкрадчивое предложение отдохнуть дней десять? Десять дней! Он сам больше, чем неделю без своего детища не выдерживал: забрасывал сообщениями электронной почты, бесконечно звонил и испытывал явное облегчение, наконец, возвращаясь в свой кабинет. Мила всегда понимала его патологическую зависимость от работы, потому что сама была абсолютно такой же. Они понимали друг друга. Зачем же Хлебникову понадобилось выбивать у нее почву из-под ног? Он ведь знает, что для нее ее программа, выпуски вечерних новостей – воздух, вода, солнце. Она задыхается без работы. Как же ей сейчас неуютно...

Устроившись на просторном диване поудобнее, Мила посмотрела в огромное зеркало, висевшее напротив. Безделье способствовало тому, что в голову стали приходить самые неожиданные предположения. Может быть, она уже не устраивает начальство в качестве лица канала? Кто знает, не

плетутся ли за ее спиной интриги? Мила ни с кем не была особенно дружна, потому никогда не участвовала в кулуарных обсуждениях. Вернее, при ней этого не делали, а ее это вполне устраивало. Собирать сплетни Смылова считала ниже своего достоинства. Зачем тратить время на пустую болтовню, результат которой ровным счетом ничего не меняет? Однако сейчас Миле явно не хватало этих закулисных, заэфирных слухов, добрая половина из которых всегда имела под собой основание. Мила вздохнула и, приняв картинную позу, нарочито высоко закинула ногу за ногу. Застыла на мгновение и затем, чуть запрокинув голову, потрянула копной белокурых вьющихся волос. Они коснулись ворсистого ковра, прибавив к его гладкому узору немного витиеватых колечек.

Удовлетворение отразилось на лице Милы. Ей хорошо за сорок, но, без ложной скромности, выглядит она намного моложе. При чем тут паспортные данные? Что такое возраст? Это то, на сколько лет ты ощущаешь самого себя. Кроме того, нельзя забывать об умеренности в еде, режиме, нервах, всегда смотанных в мягкий, пушистый клубок – вот основные рецепты неувядающей красоты и свежести Милы Смыловой. Она знает цель и уверенно идет к ее достижению, каждое ее движение, мысли подчинены этому. Нет места усталости, а ведь работает она порой по двенадцать, а то и четырнадцать часов в сутки. Здесь кроется еще один секрет: работа должна приносить удовольствие, а порой – заменить

собой все, оставляя ощущение полноценной жизни. До сих пор Мила ни на секунду не сомневалась, что ничто важное в ней не прошло мимо. Она сама возводила переправы, строила мосты, укладывала километры дорог, которые в любой момент переправляли ее в нужное место, в нужное время. Она сама ковала счастье, заключавшееся для нее в одном коротком слове – успех. Уверенная, что он давно и неотступно следует за ней, Мила подмигнула своему отражению, улыбнулась. Получилось наигранно, как будто Мила ждала, что из-за тяжелой портьеры вынырнут пронырливые журналисты и вспышки камер ослепят ее. Она привыкла быть на виду и потому спокойно относилась к проявлению внимания к собственной персоне. Ее лицо легко удерживало нужное выражение, скрывая истинное самочувствие, дурное настроение. Но сейчас ей было нелегко это делать. Словно что-то сковывало мышцы лица, пытаясь силой заставить их выражать правду. Смыслова перестала улыбаться.

– В чем дело? – тихо произнесла Мила, и вздрогнула: впервые на ее вопрос некому ответить. Тишина в квартире стоит убийственная. Никто не стучит клавишами, работая на компьютере, Кирилл не слушает свою любимую музыку... Она одна, совершенно одна: ни мужа, ни сына. Молчание стен, предательски затихший телефон. Словно нет больше того мира, в котором она неизменно шла с гордо поднятой головой. Осталась тишина, страх перед забвением, холод одиночества. Мила резко вскочила с дивана. Что же с

ней происходит? Она ведь долго добивалась этого. Получила и раскисла? Сердце снова помчалось галопом, сбивая дыхание и, заставляя ощущать неприятную нарастающую тревогу. Мила резко поднялась с дивана и подошла вплотную к картине – любимому украшению комнаты. Это портрет хозяйки руки известного мастера. Когда он писал ее? Кажется, года четыре назад. Он пытался ухаживать, но Мила сразу дала понять, что откажется от сеансов. Она едва находила время, чтобы два раза в неделю позировать, а он со своими глупостями. Другая была бы польщена, другая, но не Смылова. Мастер наверняка чувствовал себя обманутым, но упрямо продолжал работать. Однако полностью скрыть свое разочарование не смог:

– Трудно писать в таком настроении, – обмолвился он как-то, на что Мила удивленно подняла брови.

– Будем ждать вдохновения?

– Вы лишаете меня его своей холодностью, Людмила...

– Да? – его вкрадчивый, чуть с придыханием голос выводил Милу из себя. В сочетании с красноречивыми взглядами это становилось сущей пыткой. Что на нее нашло тогда, когда она, покраснев до кончиков волос, согласилась на этот эксперимент? К тому же она не любила, когда ее прекрасное имя произносили так напыщенно. – Боюсь, что не в моих силах что-либо изменить. Мне, право, неловко, что я создаю вам дискомфорт...

Она старалась быть вежливой, мечтая лишь о том, что-

бы сеанс поскорее закончился. Но мастер брал себя в руки, снова принимался шутить, разряжать атмосферу. Видимо он чувствовал, что его натурщица может не прийти в следующий раз. И однажды он вручил ей портрет, который, по правде говоря, поразил Милу. Ей показалось, что художник смог заглянуть внутрь ее самой. Это было ее тело, ее руки, длинные, ухоженные пальцы. Ее волосы, чуть более пышные, чем в жизни, но главное – глаза. Живые, лукавые, пронизательные, чуть ироничные. В них не было страсти, жажды любви – насмешка и уверенность в себе. То, что надо! Поставив картину на стул в гостиной, она позвала мужа:

– Макс, посмотри что я привезла!

– Ух ты! – Максим принялся ходить вокруг полотна и, наконец, воскликнул: – Фантастика!

– Ты о чем? – самодовольно улыбнулась Мила.

– Где бы я ни стоял, твои глаза следят за мной...

– Придумаешь такое, – Милы прыснула, но потом поняла, что Максим говорит правду. Карие глаза на портрете смотрели внимательно, словно следуя за тобой в любой уголок комнаты. Они говорили: «Я все вижу! Но мне нет ни до кого и ни до чего дела!» Смыслова повернулась к мужу и сказала: – Очень хорошо! Оставляю ее здесь вместо себя. Закрепи картину вот на этой стене, пожалуйста. Теперь ты всегда будешь ощущать мое присутствие, и тебе не будет казаться, что меня сутками нет дома.

– Было бы приятнее чаще общаться с оригиналом.

– Не обещаю. Если не могу выполнить, никогда не обещаю.

Оставшись один на один с портретом, Мила еще острее почувствовала свое нынешнее одиночество, ненужность. Карие глаза в упор смотрели на нее, усмехаясь, словно желая сказать: «Ты осталась одна, совсем одна. Любишься... Ты этого хотела, к этому стремилась. Почему же теперь тебе невесело?» Мила отвернулась от картины, но через мгновение снова смотрела на свое изображение. И только она это сделала, как картина снова принялась разговаривать с ней: «Ты оттолкнула человека, безоглядно любившего тебя со всеми твоими недостатками, причудами. Тебе никогда не стать по-настоящему счастливой без него. Но ты так упорно показывала ему свое равнодушие, что смогла убить и его любовь к тебе. Радуйся, ты свободна. Почему же у тебя такие испуганные глаза?» Что за ерунда?! Мила отвернулась от портрета, сердито нахмурившись. Она все сделала правильно. Все было обречено с самого начала. Удивительно, что они вообще прожили вместе так долго. Случилось то, что должно. Нет, она не одна! Пусть замолчит эта картина и не старается испортить ей настроение. Сколько поклонников и поклонниц, для которых она – кумир, недостижимое божество. Сколько известных людей с удовольствием соглашаются стать героями ее новой авторской программы. А стоит только открыть верхний ящик стола, – там столько признаний, откровений, просьб, хвалебных посланий... Ее жизнь для тысяч людей –

сказка, в которой она – королева, хозяйка, всемогущая повелительница.

Мила подошла к столу, взялась за ручку, чтобы снова увидеть аккуратно сложенные белые листы, исписанные самым разным почерком. Оставалось сделать одно движение, но что-то останавливало ее. Не этого доказательства собственной значимости требовало ее естество. Здесь все было предельно ясно: самый высокий рейтинг авторской программы, самая популярная телеведущая канала, самое узнаваемое лицо. На нее хотят быть похожими тысячи поклонниц различных возрастов. Они готовы носить ее на руках, забрасывают отдел писем просьбами повторить ту или иную ее программу, угрожают, умоляют. Ее хотят видеть и слышать чаще. Она смогла достучаться до огромной аудитории, отставляющей все свои дела, когда в эфире авторская программа Милы Смысловой «Успех».

Она и сама не ожидала, что все получится настолько здорово.

– Так держать! – Хлебников тоже был в восторге, открыто выражая свое отношение к новой программе, ее растущему день ото дня рейтингу. Он был рад, что не ошибся, поверил интуиции, пригласив Милу работать в свою команду. Прошло много лет с тех пор, как Хлебников ощутил необъяснимое волнение, общаясь с Милой на одной из званых вечеринок, и не смог побороть импульсивного желания забрать Милу из кажущейся ему душевной и ограничивающей твор-

ческий потенциал редакции журнала. Она была там первой, должна была стать первой и на телевидении. Это сквозило в каждом ее движении. Хлебников поставил на свое чутье и теперь пожинал плоды невероятной энергии этой красивой, целеустремленной женщины. О том, что она легко оставила свою команду, он старался не задумываться. Это было чисто-плюйство, плохо уживающееся с большими деньгами. Единственное, чего он опасался, как бы житейские проблемы, не помешали ее планам.

– Домашние не обижаются? – как-то поинтересовался он, видя, сколько времени Мила проводит в студии.

– Домашние? – Смылова удивленно посмотрела на него. – Они все понимают, Константин Сергеевич.

– Мила, мы ведь договорились без отчества.

– Они привыкли, Костя, и знают, что для меня главное, а что второстепенно.

– Значит, мужа пирогами ты не балуешь? – улыбнулся Хлебников.

– И сына тоже. Они привыкли. У них нет другого выбора.

Хлебников тогда успокоился окончательно. Он понял, что для Милы работа так же важна, как и для него самого. Только в его случае все закончилось разводом: постоянное отсутствие сделало свое дело. Не все домашние мирятся с подобным положением вещей. Смылова долгое время была исключением из правил, но недавно и она попала в число тех, для кого работа стала единственным спутником жизни, нар-

котиком, без которого – ломка, болезни, бессмысленное существование. Теперь и она без семьи. Хлебников снова приглядывался, не задавая вопросов, просто наблюдал за Милой. Внешне как будто ничего не изменилось. Она все так же полна планов, энергии, кажется, даже повеселела, стала более терпимо относиться к окружающим. Теперь в глазах посвященных она одинокая женщина, сделавшая выбор в пользу своего любимого дела.

– Какой мужчина выдержит, когда жены сутками нет дома, – комментировали происшедшее одни.

– Мало мужей, которые спокойно живут, когда жена зарабатывает в десять раз больше, – добавляли другие.

– Смыслова не из тех, кто опускает руки, – доброжелатели оставались на стороне Милы. – У нее есть свои плюсы: материальное благополучие, популярность.

Она и сама это понимала. Но насколько эта всенародная любовь глубока? Надолго ли ее хватит? Зачем себя обманывать? Мила задавала себе вопрос, что произойдет, когда она исчезнет с экрана телевизора? В конце концов, ей уже за сорок. Незаменимых нет, рано или поздно ее место займет эффектная женщина, в которой Хлебников увидит новое лицо канала. Да... Перспектива... И что в ней? Больше не будет ее, «Успеха», ее красивого тембра голоса, вещающего новости. Так на какой день зрители забудут о ее существовании? Продажная толпа быстро найдет себе новый объект для обожания. Мила недобро усмехнулась: все свои программы она

неизменно заканчивала фразой «До скорой встречи. Я люблю вас...» И теперь армия телезрителей, восседавшая по ту сторону экрана, армия, которой Мила неизменно улыбалась и признавалась в любви, легко получила емкое определение «продажная толпа». Милу это нисколько не смутило. Давно известно: с глаз долой – из сердца вон. Хорошеньких дикторов, начинающих телеведущих сейчас достаточно. Немного связей, нахальства, кокетства, везенья – и есть возможность стать новым лицом канала. В конце концов, Хлебников – мужчина. Расставить ему сети при желании очень даже возможно. Мила поежилась, как будто в комнату ворвался холодный сырой ветер. Окна были закрыты, но внутренний холод заставлял Милу потирать ладони. Отчего же ей так не по себе?

Одиночество, отчаяние порождаются страхом. Страх – неопределенностью. Мила должна была разобраться в самой себе, чтобы снова стать прежней. Ее всегда удавалось легко контролировать свои эмоции. В чем же теперь дело? Мысль, пришедшая в это мгновенье, показалась Смысловой убийственной: ей нужен Максим! Ей нужно его умение успокоить, внушить уверенность, его смеющиеся серые глаза, его поддержка. Смылова разозлилась на себя. По непонятным причинам сегодняшней день катится в прошлое и тащит ее за собой. Чем окончится это незапланированное путешествие? Мила была уверена, что не нужно позволять эмоциям брать верх. Иначе получается, что для нее вдруг стало

важно возвращаться в дом, где ее ждут. Мила закрыла глаза, покачала головой: нет, не вдруг. Зачем обманывать себя. Она проиграла. Проиграла именно тогда, когда получила долгожданную свободу. Только от чего же она освободилась? Практически сразу после развода Мила ощутила дискомфорт, смягчить который не смогли ни очередные успехи в работе, ни командировка в Штаты. Не помогло и излюбленное средство в виде похода по магазинам с обязательным приобретением обновок. Это были вещи от Сони Рикель, новые духи. Мила замечала, что для нее порой очень важную роль играл запах. Один мог поднять настроение, другой – окончательно его испортить. Но теперь не действовало ровным счетом ничего. Полгода она обманывала всех и, прежде всего, себя, делая вид, что отлично справляется с новой жизнью. Она так часто говорила, что им с Максимом пора развестись, но, когда это произошло в реальной жизни, оказалась не готова к переменам. Просыпаясь, она смотрела на подушку, лежащую рядом, неизмятую, на которой никто не спит. Прислушивалась – никто не готовит ей утренний кофе, не чувствуется привычного аромата. Она одна в их большой трехкомнатной квартире, где теперь так много места и так беспокойно. Мила уговаривала себя, что пустой холодильник, ворох белья в ванной, квартира, требующая уборки, – мелочи, на которые обращают внимание домохозяйки. А ей не нужны жирные борщи, пироги по выходным, пловы, идеальный порядок. К черту порядок! Не в этом суть. Ей

не нужны пресловутые правила человеческого общежития, если для их выполнения нужно жертвовать собственными принципами. Но время, проведенное в одиночестве неутомимо пыталось доказать ей очевидные вещи. Например, то, что дом – это не только мебель, стены, уют или бардак. Это еще те, кто встречают тебя после трудового дня, возвращения из командировки, кто садится с тобой за стол. Сын жил отдельно, а значит для нее это – Максим. Зачем же было так изводить его, себя, все разрушать, чтобы теперь неистово желать все вернуть? Как же ей хочется, чтобы не было того дня, когда они вышли из загса, перестав считаться мужем и женой. Нет, она не должна вспоминать об этом как об ошибке. Это смешно, это недостойно ее. Она всегда поступает логично, а в том, что происходит сейчас, нет логики, здравого смысла.

И все же ей плохо без Смыслова... Как поздно она это поняла. Она скучает по нему – очевидная вещь, против которой было невозможно бунтовать, которая выбивает ее из колеи. Уже через пару месяцев после развода ей стоило немалых усилий казаться такой же жизнерадостной, как и раньше. Ей стало неуютно в своем новом амплуа свободной женщины. Оказывается, она потеряла то, что было для нее крайне важным – внимание, заботу и любовь Максима. Он все делал так ненавязчиво, а оказалось, что именно этого ей теперь недостает. Находясь в тени, он контролировал каждую мелочь, участвовал в ее жизни и никогда не просил ничего

взамен. Он просто был рядом, никогда не устраивал ей сцен по поводу занятости, вникал в ее проблемы, когда она вдруг становилась откровенной, и ненавязчиво давал совет. Она знала, что примет его только от Смыслова. Конечно, сперва отвергнет – для соблюдения своего правила, а потом сделает так, как он советовал. Максим, пожалуй, не догадывался, что именно на этом так долго продержался их брак. Мила ценила деликатное вмешательство супруга в свою жизнь, его способность влиять без давления. Другой вопрос, что она никогда не говорила ему об этом. Сейчас ей казалось все большей глупостью то, что она своими руками разрушила это давно устоявшееся равновесие.

За то время, что они расстались, Мила все чаще и чаще чувствовала себя неуверенной, слабой. Куда-то подевалась смелая, энергичная, не знающая усталости женщина. Где она? Мила нахмурила брови. Она ведь сама хотела этого. И каждый день приближал крушение брака, совсем немного не дожившего до серебряного юбилея. Она вспоминала удивленные глаза подруги, Иры Хмелевской, когда однажды в сердцах призналась, что хочет развестись с Максимом. Подруга вскочила, едва не опрокинув на себя горячий кофе, и закричала:

– Ты с ума сошла! Как можно бросаться таким мужем, как Макс?!

– Ты не знаешь, о чем говоришь, – уже жалея о сказанном, ответила Мила.

– Он твоя вторая половина. Настоящий мужчина, друг, он никогда не предавал тебя.

– Не пьет, не курит, с женщинами на стороне не общается, все деньги в дом... Скукота!

– А чего же тебе надо? Между прочим, он твоего сына воспитал.

– Нашего сына. Я родила, он воспитал – два бесспорных вклада в развитие личности. – Мила внимательно посмотрела на подругу. Было очень странно, что она защищала представителя противоположного пола. Обычно она отзывалась о мужчинах весьма нелестно. – И вообще, что это ты так защищаешь Смыслова, вместо того, чтобы безоговорочно принять мою сторону? С чего бы это?

– Макс – исключение из правил.

– Вот как, – сдерживая смех, иронично произнесла Мила. – У тебя не правила. У тебя свод законов, по каждому из которых этим существам в брюках достается по полной программе. И вдруг есть исключение! Это говорит та, для которой все мужчины – существа более низкого уровня развития. Не на этом ли основывается твоя теория холостой жизни?

– Если бы я встретила такого мужчину, как Макс, можешь мне поверить, я бы забыла о своей теории.

– Вот так дела!

– Ты совершаешь ошибку. Преданность, Смыслова, гораздо важнее страсти, утех в постели. Искренно желаю тебе одуматься, – Хмелевская выглядела обиженной и взволнован-

ной.

– Если бы Максим тебя услышал, он был бы счастлив!

– Могу и ему сказать. Без проблем!

– Можешь, наверняка можешь, – двусмысленно сказала Мила. – Но ты почему-то умалчиваешь о немаловажном факте: я тоже – идеальная жена.

– Разводится идеальная пара. Интересно, – Ирина пода-лась вперед.

– За все годы я ни разу не спросила его, где он был и что делал в мое отсутствие.

– Это скорее недостаток, – прикуривая, заметила Хмелевская. – И говорит он о полном равнодушии с твоей стороны. К тому же Макс всегда был так загружен заботами и сыне, доме, что у него вряд ли было свободное время. Ты милости-во сбросила на него все, что только могла. При этом ты была деликатна и не интересовалась, что он делает в твое отсу-ствие. Умница. Bravo!

– Мне не нравится твой тон.

– А мне не нравится, что ты готова совершить роковую ошибку.

– Это моя жизнь! И только мне решать, как поступать. Никто, кроме меня, не знает, что для меня лучше.

– В этом ты вся, Мила, – вздохнула Ирина. – Ты сделаешь то, что задумала, а потом так и не найдешь смелости при-знаться, что раскаиваешься...

Хмелевская оказалась права. Почему она так уверенно

говорила? Наверное, потому, что слишком хорошо изучила свою подругу за долгие годы дружбы. Какая наблюдательная. Смылова с неприязнью думала об Ирине. Почему? Хоть они и не в ссоре, но общаться с Ириной у нее желания не возникало. Некому пожаловаться на удручающее одиночество. Может быть, это и к лучшему. Не всегда нужно открывать душу. Откроешь, а потом тебя же этим и кольнут. Ирина мастер на такие штучки, проходили. Хватит, Мила не даст ей повода для очередной радости. Все ее неудачи для Хмелевской – маленькая победа. Мила все чаще чувствует это. Хмелевская всегда завидовала ее успехам, ее таланту, красоте и, наверняка, благополучию в семье, которого она, Мила, по мнению Ирины не заслуживала. Женская дружба вообще – понятие надуманное, вряд ли существующее в реальности. Слабый пол не умеет дружить. Смылова давно сделала для себя такой вывод, все же оставив в качестве единственной приближенной к себе женщины Ирину. Так сложилось со школьных времен и Смыловой не хотелось, пока не хотелось, ничего менять.

Однако последнее время особой теплоты в их многолетней дружбе нет. И потому Мила не покажет того, что творится у нее в душе. Никто не должен узнать, насколько пустой и бессмысленной стало ее существование без Максима. Да, Мила добилась того, чего хотела. Впору бы пожинать плоды успеха. Только в душе ее поселилась необъяснимая, возрастающая тревога: Мила не ощущала той эйфории от свободы,

на которую рассчитывала. Она надеялась, что почувствует облегчение, прилив сил, долгожданное чувство гармонии. В этой новой жизни ей должно было быть невероятно уютно. Ей никто и ничто не должно мешать. Теперь некому доказывать свою правоту, не нужно оправдываться за опоздания, частые командировки, молчаливые вечера. Но почему-то все эти привилегии сейчас не имеют для нее значения.

Это все отпуск. Свободное время не идет ей на пользу. Нужно будет обязательно сказать об этом Хлебникову. Если хочет заботиться о ней, то пусть загружает ее работой как можно больше. Тогда ей не будут приходить глупые мысли в голову. Не придется слоняться по опустевшей квартире и ловить каждый шорох. Мила огляделась, словно видела все впервые. Кажется, все та же обстановка. Не хватает чего-то едва уловимого, мелочей, которые покинули этот дом вместе со своим хозяином, а теперь вместо них образовались пустоты, привлекающие внимание Милы. Оставалось надеяться, что скоро ощущение пройдет, нужно просто подождать. Мила поднялась и подошла к столу. Провела кончиками пальцев по его полированной поверхности. Компьютер сиротливо смотрел на нее темным, запыленным экраном. Теперь здесь нет того беспорядка, который всегда устраивал муж. Бесконечные рукописи, научные рефераты, рецензии, статьи – Максим купался в них, испытывая непонятное для Милы удовольствие от длинных формул.

– В них музыка, – любил говорить Смыслов, с восторгом

всматриваясь в знаки, кажущиеся Миле языком инопланетных существ. Серые глаза Максима сияли. – Это музыка, самая настоящая, не имеющая конца. Как любовь...

Милу поражало умение мужа сравнивать несравнимое. Она редко вступала с ним в спор, потому что Максим не давал ей такой возможности.

– Это не тема для дискуссии. Математика – музыка, телевидение – наркотик. Как тебе?

– Ничего себе! – возмущалась Мила, но в глазах мужа плясали веселые огоньки.

– Давай останемся каждый при своем мнении, – он умел сглаживать углы. – Два культурных человека всегда смогут договориться, правда? Ты не против называться культурным человеком?

Она не всегда понимала, когда он шутит, а когда говорит всерьез. Может быть потому, что их общение с годами стало слишком формальным. После того, как Кирилл стал жить отдельно, их семья существовала исключительно на бумаге. Только печати в паспорте указывали на это. Мила еще больше окунулась в работу, Максим – в свои научные исследования. Исчезло то звено, которое время от времени соединяло их. Кирилл сам стал мужем. Он жил своей собственной жизнью, наполненной и, кажется, счастливой. А его родители все чаще забывали о том, что они – два культурных человека, которые обязательно договорятся.

Проведя кончиком пальца по экрану компьютера, Мила

оставила на нем тонкую дорожку. Едва видимый след. Эта серая пыль на пальце вызвала у Смысловой неожиданную ассоциацию. Мила вдруг вспомнила начало самого нелегкого периода в своей семейной жизни. Пыль и явный беспорядок в доме появились тогда, когда Смыслов вдруг взбунтовался. Он перестал быть белым и пушистым. Словно в нем проснулся крепко спящий вулкан, а извержению предшествовала встряска. Эта встряска стала предупреждением, на которое Мила не обратила внимания. И тогда Смыслов отпустил тормоза. Ему были нужны перемены. Он тщетно ожидал их столько лет и теперь решил, что имеет право на революционные преобразования в собственном доме. Смыслову надоело, что столько лет его никто не замечает, снисходя до общения по настроению время от времени, и он решил открыто показать, что больше не потерпит этого. Мила не сразу ощутила перемены. Она была слишком увлечена работой, планами, предстоящими эфирами. Но все же и в этой привычной суете, до Милы стало доходить, что что-то не так. Не так дома – именно там, где она не ожидала никаких подвохов. Столько лет все было, как было. Кажется, всех все устраивало. Но теперь Максим уже не приносил ей обязательную чашку горячего кофе в постель, не стоял, улыбаясь кончиками рта, в ожидании, пока она стряхнет с себя остатки сна и улыбнется в ответ. Возвращаясь с работы, Мила находила пустой холодильник, в квартире – беспорядок, а Максима – спящим. Раньше он всегда дожидался ее возвра-

щения. Она раздраженно говорила, что он может спокойно спать, что она уже большая девочка и с ней ничего не случится. Однако когда Максим внял ее просьбе, Миле стало обидно.

Начался тяжелый период, когда они едва обменивались парой слов по утрам, да и вечера проходили почти в полном молчании. Просторная спальня превратилась просто в место для сна, гостиная – перестала быть центром общения, а в комнате Кирилла с его уходом поселилась тишина. Миле становилось все более неуютно в собственном доме. И вдруг появилась необходимость уединяться в комнате сына. Мила стала почти каждый день проводить в ней какое-то время. Она садилась на кровать Кирилла, брала его подушку, обнимала и долго смотрела невидящим взглядом в никуда. В голову приходили воспоминания, всегда очень быстро проносящиеся картины. И на них Кирилл с мужем, ни разу – сын и она. Она всегда была далека от его проблем, от него самого. Жалеть об этом было уже поздно. Мила просто сказала себе еще раз, что сын вырос, и большая заслуга в этом принадлежит отцу. И что ее вины ни в чем нет. Она делала то, что умела.

Максим по-своему расценил ее желание уединяться в бывшей детской. Он решил, что поздновато проснувшийся материнский инстинкт вызывает у Милы чувство вины. Тогда Максим предложил Миле переоборудовать комнату сына в ее рабочий кабинет. Может быть, эти стены поддержат

ее и помогут восстановить покой в семье, но предложение вызвало очередной всплеск негативных эмоций:

– Что за ерунда лезет тебе в голову! Кирилл должен знать, что здесь с его переездом ничего не изменилось, – возмутилась Мила.

– А мне кажется, что изменения очевидны, – ретируясь на кухню, произнес Максим.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты знаешь.

– Не говори загадками, – раздражение Милы росло. – Раз в кои-то веки завязался такой интересный разговор. Договаривай, пока есть желание. Оно ведь есть?

– Мы давно мешаем друг другу.

– Даже так? Если тебе надоело варить борщи, не нужно. Не делай из этого проблему.

– Как мелко, Мила.

– Тогда договаривай. Твой недовольный вид действует мне на нервы, – прокричала Мила вслед Максиму. Она была вне себя, совершенно не контролируя нарастающий гнев.

– Мне нечего сказать, – ответил он, возвратившись. В его глазах появилось выражение, от которого Мила опешила, но лишь на мгновение.

– Ты всегда очень дипломатичен. Это или самый высокий уровень деликатности, или полное равнодушие?

– Какая разница. Тебе ведь все равно, что я сделаю, что подумаю, что скажу.

– Сделай хоть что-нибудь!

– Хорошо, тогда я скажу. Знаешь, ты была права.

– В чем же? – ехидно посмеиваясь, спросила Мила.

– Скажу. В том, что уже столько раз произносила ты: нам нужно развестись.

– Да? – Мила опешила. Она никак не ожидала услышать от Максима такое. Он всегда болезненно реагировал на ее гневные вспышки, заканчивающиеся предложением расстаться. Особенно огорчало Смыслова то, что совсем скоро предстоял их серебряный юбилей. Теперь он сам говорит о разводе. Прекрасно! Мила постаралась ничем не показать, как она удивлена. Хотя он, конечно, блефует. Он не представляет жизни порознь. Решил увидеть, насколько далеко она может зайти? Хорошо! – Так ты, говоришь, созрел?

– Думаю, да.

– Прекрасно. Дай подумать... Что надо делать в этом случае? Не подсказывай, я знаю. Я подам документы. Не возражаешь?

– Нет, не возражаю.

– Это не ущемит твое самолюбие?

– От него уже ничего не осталось. Я так измучился, что готов на любые перемены. Ты не можешь себе представить, как я устал... – Максим покачал головой. – У меня нет самолюбия, самосохранения, осталось самобичевание.

– Слова, слова.

– Неужели это происходит с нами, Мила?

– Все наяву. Это не сон. Скоро каждый из нас получит свободу.

– От чего?

– От нас, наших привычек, достоинств и недостатков... – Мила увидела на лице Максима такое отчаяние. Ей стало жаль его. Отвратительное чувство, так часто мешающее поступать по велению разума. Однако желчность и гнев куда-то исчезли. Миле захотелось сказать что-то приятное, ободряющее. – Жизнь на этом не заканчивается, Макс. Ты мужчина хоть куда. Я не делаю тебе комплимент. Это признанный факт.

– Сейчас мне все равно.

– Ложь. Тебя еще обязательно оценят, уже ценят, – вспоминая восторженные похвалы в адрес Максима из уст Хмелевской, сказала Мила. – Есть такие, более чуткие, более справедливые, женственные, уступчивые.

– Меня это не интересует. Ты хочешь сказать, что вокруг меня никогда не было других женщин?

– Почему же, были.

– Ладно, это беспредметный, глупый разговор. Главное сказано, так что я пойду прямо сейчас.

– Зачем, Макс? Это лишнее. Ночь на улице. Тебя никто не заставляет спать со мной в одной постели. Три комнаты – можно и затеряться.

– Уже затерялись.

– Макс, не дури!

Мила вспомнила, как он кивнул и, выходя из комнаты, остановился.

– Квартиру можешь оставить себе. Я поселюсь на даче, – не оборачиваясь, глухо сказал он. – Ты не против?

– Тогда забирай и машину. Я никогда не сяду за руль, – заметила Мила. – Машина тоже твоя. Да, и компьютер. Он тебе нужнее.

– Благодарю, – сухо ответил Максим. И, уже ни к кому не обращаясь, добавил: – Просто пособие по разводу двух образованных, культурных людей...

Перед глазами Милы промелькнула картина, как Смыслов собирал вещи. Ей казалось, он ждет, что она рано или поздно остановит его. Он не верил до конца, что развод все-таки свершится, а уже после суда, грустно посмотрел на нее, улыбнулся. Его лицо совершенно менялось, когда он улыбался. Эта улыбка действовала на Милу, как на быка красное. Едва сдерживая раздражение, она не понимала, как он может вот так глупо улыбаться и при том совершенно искренне...

– Ну, будем прощаться? – нетерпеливо спросила она, закидывая сумочку на плечо. Все уже вышли из зала, они остались вдвоем.

– До свидания. Я еще пару раз заеду домой кое-что забрать, а потом оставлю тебе ключи. Пожалуй, я оставлю их на вешалке в прихожей, – Смыслов говорил об этом так, как будто это было самым важным в их последнем разговоре. Потом он замолчал и вдруг осторожно взял руку Милы и поце-

ловал. Прикосновение его сухих, горячих губ заставило Милу вздрогнуть.

– Ты что? – она выдернула руку, спрятав ее за спину. Карие глаза ее гневно сверкали.

– Ничего, прости, – Смыслов покраснел. – Я уже не должен, понимаю.

– Не нужно, действительно, не нужно.

– Надеюсь, теперь ты получишь все, о чем мечтала, – Максим пытался поймать взгляд Милы, но она упорно не желала на него смотреть.

– Да, да, наверное, получу. Хотя, о чем это я? Я хотела сказать, что наверняка!

– Знаешь, мне до сих пор не верится, что это происходит с нами.

– Человек ко всему привыкает, – Мила глубоко вздохнула. Ей хотелось поскорее выйти из опустевшего зала. – Единственное, что мне нужно тебе сказать... Я хочу, чтобы знал: я не уйду к другому мужчине. Я никогда не изменяла тебе.

– О, конечно. Ты не можешь жить со мной, со мной. Это я уже понял, могла бы не повторять, – усмехнулся Максим. – Я слишком хорошо изучил тебя, Мила Николаевна. Тебе не нужны другие мужчины. Тебе вообще никто не нужен, кроме работы, признания твоего таланта.

– Работа здесь не при чем. Мы разные были, разными остались. Люди живут вместе, пока их что-то связывает: любовь, уважение, чувство долга, наконец.

– Интересно, что, по-твоему, связывало нас почти двадцать пять лет? – серые глаза Смылова смотрят прямо, и Мила не в силах отвести взгляд. Опустить глаза, значит, признать свою слабость, а она была и останется сильной!

– Какая теперь разница?

– Никакой, ты снова права. Ты очень практичная женщина, Мила, очень современная и успешная. Оставайся такой всегда, несмотря ни на что! Я желаю тебе добра.

– Спасибо, Макс, – Мила натянуто улыбнулась. – Прощание затянулось.

– Извини. Я больше не стану докучать тебе. До свидания.

Поведение Максима выбивало ее из колеи. Он не должен был так себя вести. Она фактически предает его, разрушает их брак, а он смотрит грустными глазами, словно прощения просит. Волна жалости поднялась и в одно мгновение захлестнула раздражение последних самых трудных месяцев. Нет, он непредсказуем, ее Смылов. Нет, не ее. Уже не ее...

Бесконечный шелковый шелест дождя отбивал свой нехитрый ритм, сливаясь в усыпляющую, расслабляющую мелодию. Глядя на прозрачные потоки, стекающие по оконным стеклам, Мила думала о том, что наверняка ее бывший муж один из тех, кто получает удовольствие от такой погоды. Восторгается, небось, картиной вовсю. Он всегда говорил, что здорово наблюдать за дождем с уютной веранды дачи, прихлебывать горячий чай и не думать ни о чем. Ми-

ла никогда этого не понимала: сырость и ничегонеделание – это не по ней. Кажется, теперь Максим получил возможность воплотить мечту в реальность. Никто не помешает, и все потому, что вот уже полгода как Максим Смыслов живет на даче, доставшейся ему вместе с машиной после развода с Милой. Дачу они купили давно, привели в порядок, обставили нехитрой мебелью, уделив внимание камину в огромной комнате на первом этаже и роскошной веранде. Максим думал, что они смогут приезжать сюда на каждые выходные и проводить здесь хотя бы часть отпуска, но Мила не любила размеренность загородной жизни. Поэтому она крайне редко соглашалась провести на даче даже выходной. Деревья, лирика зеленых лугов, запахи полевых цветов – все это не приводило ее в такой трепет, какой испытывал Максим. Для него короткое пребывание в этих тихих, наполненных запахами луговых цветов и роскошной зеленью окружающего ландшафта было чем-то вроде энергетической подпитки. Смыслов всегда говорил, что два часа дают ему столько сил, столько свежих идей появляется в голове и настроение становится приподнятым, лишенным какой бы то ни было мрачности. Даже понимая это, Мила не шла наперекор собственным ощущениям. Потому ее выезды на дачу случались крайне редко, благо отговоркой служила вечная занятость на работе. А Максиму не хватало этого разнотравья, тишины, свежего воздуха. Он тосковал по даче, но не любил приезжать сюда один. Пока сын был маленьким, то именно

он зачастую составлял отцу компанию. Но Кирилл вырос, у него тоже появились свои отговорки, а Милу уговаривать было бесполезно. Максим смиренно соглашался со всеми доводами жены, но все-таки позволял себе время от времени пытаться снова и снова хоть что-то изменить.

– Мила, давай поедем на дачу, – говорил он, глядя на нее преданными глазами. – Может быть, на этот раз тебе будет там уютно?

– Там слишком много кислорода. Я задыхаюсь от свежести и ароматов этой деревни, – отмахивалась она. – Ты ведь все давно знаешь. Зачем снова и снова говорить об этом?

Миле казалось, что Максим всю жизнь пытался не упустить тот момент, когда же она, наконец, изменится. Изменится сама, ее привычки, взгляды. Он обязательно хотел быть первым, кто заметит и воспользуется этим. Со своей стороны Мила проявляла стойкость, не желая становиться другой. К тому же она никогда не обещала измениться, и откровенное ожидание перемен со стороны Максима действовало на нее удручающе. И как она могла столько лет терпеть это замужество? Почти двадцать пять лет, немного не дотянули до серебряной свадьбы. Слава Богу, обошлось без этого спектакля – юбилеи всегда действовали на Милу угнетающе. Все, теперь она свободна. Честно говоря, ей вообще не стоило выходить замуж. Ей никогда это не было нужно. Девчонки вокруг пытались поскорее избавиться от девичьей фамилии, гордо показывать обручальное кольцо, а она жила совершен-

но другими мечтами. В них семья, муж, дети стояли на последнем месте. Однако все получилось как бы случайно. Она умудрилась все успеть: замужество, рождение ребенка, хорошая работа, карьерный рост.

Тогда она была молода, красива, полна энергии, которая была из нее ключом и, быть может, именно это стало главным на ее пути к успеху. Все видели в ней неиссякаемый источник новых идей, желания работать, первенствовать! Почувствовав легкую сентиментальную ностальгию по тому времени, Мила закурила. Оранжево-желтый столбик пламени зажигалки вспыхнул и на несколько мгновений приковал внимание женщины. Один из коллег подарил ей эту серебряную вещицу в прошлом году в день рождения. Мила смотрела на пламя, приблизила к лицу: оттенки смешались. Огонек вспыхивал и угасал по велению своей хозяйки. Ей нравилась эта цветовая гамма: желтый, оранжевый, песочный, бежевый. Обои, мебель, мелкие безделушки, одежда соответствовали вкусу хозяйки. Тепло, уютно, не режет глаз. А вот огонь – особая тема, она любила смотреть на игру его обжигающих языков – это ее расслабляло. Недаром она родилась под знаком Льва. Не веря в гороскопы, Смыслова подсознательно подтверждала их своими пристрастиями, вкусами, поведением. Одно время она даже красила волосы в огненно-рыжий цвет, но Максим однажды не выдержал и высказал свое недоумение по поводу столь яркой внешности.

– Ты хочешь привлечь внимание цветом волос? Я всегда

считал, что ты выше этого!

Он сам провоцировал ее на то, чтобы брать планки, установленные на чемпионскую высоту. Сам того не подозревая, он подогревал ее самолюбие и жажду славы. Конечно, она поспорила для вида. Но примерно через месяц, совершив несколько походов в один из самых престижных салонов, предстала перед глазами Максима в виде белокурой дивы со спадающими до талии крупными локонами.

– Ты с каждым годом становишься все красивее, – улыбаясь, сказал он после минутного замешательства. – Теперь вряд ли я встречу женщину, более привлекательную, чем ты.

– А раньше встречал?

– Встречал.

– Так ты засматривался на других, – Мила пыталась изобразить негодование.

– Нет, просто я – мужчина.

– Ты говорил, что я самая красивая еще тогда, в первые дни знакомства, – лукаво отвечала Мила. – Ты лгал?

– Нет, я никогда не обманывал тебя. Никогда не обманывал и не буду, – он говорил, а его глаза светились гордостью: жена казалась ему верхом совершенства. При этом он совершенно забывал о ее недостатках, несносном характере. Это пройдет. Он был готов прощать ей все, лишь бы ее карие глаза вот так лукаво и чуть насмешливо смотрели на него, а по вечерам ее тонкие руки обвивали его шею, влажные губы шептали слова, предназначенные только ему.

Мила не без удовольствия вернулась в то время, когда только познакомилась с Максимом Смысловым. Она знала, что он полюбил ее с первого взгляда. Знала и беззастенчиво пользовалась этим. Пожалуй, его ухаживания были очень романтичны, и Мила быстро попала под его бесспорное обаяние, эгоистично поглощая его любовь, внимание и заботу. Она не строила никаких планов на его счет, позволяя Максиму боготворить себя. Ей льстило, что он, будучи на семь лет старше, что робеет в ее присутствии, и все время пытается произвести на нее впечатление. Мила точно знала, что Смыслов из тех, кто в эпоху рыцарских турниров отвагой и благородством завоевывал бы сердце возлюбленной. Мила с удовольствием понаблюдала бы за сражением, устроенным в ее честь. Но те времена ушли в прошлое, а в реальной жизни приходилось довольствоваться цветами, любимым шоколадом, каждодневными звонками и возможностью капризничать по поводу и без. Максим не замечал ничего из того, что явно указывало на не самый покладистый характер избранницы. Утопая в темных, обжигающих карих глазах Милы, он не просил о помощи. Ему было приятно зависеть от ее постоянно меняющегося настроения, выполнять желания, даже если все это пахивало откровенной издевкой, – Мила оказалась способна и на это. Но нельзя не признать, что Смыслов сумел достучаться до неприступной и своенравной Милы. В какой-то момент она поняла, что лучшего спутника ей не найти: податлив, мягок, умен, спокоен, легко прини-

мает ее точку зрения. К тому же Максим был привлекателен, галантен, деликатен, хорошо воспитан, сразу понравился ее родителям и через два месяца после знакомства сделал Миле предложение. Она четко помнила тот холодный октябрьский вечер, лихорадочный блеск глаз Максима, все слова, что он тогда говорил. Наверное, такое не забывается.

Мила отошла от окна, прихватив с собой пепельницу, и прилегла на диван. Она снова оказалась в том далеком дне, воспоминания возникали помимо ее воли. Легкая волна возбуждения прошла по телу, заставив сердце биться быстрее. Сердце... Тук-тук – давно оно так не мчалось, кажется, грудь невероятно вздымается от каждого биения. Самый важный орган, первым окликающийся на малейшее изменение состояния души и тела. Временами сжимается, распирает, горит, покалывает. Это непредсказуемая мина замедленного действия, и когда-нибудь ей может надоест отсчитывать удар за ударом, принимать все подарки судьбы. Она взорвется, поставив точку в долгом путешествии под названием «жизнь». А пока, кроме едва слышного шума дождя, Мила ощущала биение собственного сердца. Наверняка оно так же учащенно билось и в тот день, когда Смыслов сделал ей предложение. Почему-то тогда она сразу подумала: «Бедный Смыслов...», – и не сразу дала свое согласие, словно предчувствуя, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет. Уже хорошо представляя обозримое будущее, она говорила резко, откровенно выставляя напоказ все свои недостатки.

Однако Смыслов был ослеплен и оглушен любовью к ней. Он мечтал только о том, чтобы поскорее назвать Милу своей женой.

– Ты не хочешь слышать меня, Максим. А я все же повторю: тебе будет нелегко со мной, – прямо заявила она Максиму, нервно отбрасывая со лба прядь белокурых волос. – Ты пожалеешь. Тебе нужна другая.

– Я люблю тебя, – улыбался он в ответ, наивно полагая, что она не сможет оставаться равнодушной к тому потоку горячих, искренних чувств, который он собирался на нее обрушить.

– У меня скверный характер.

– Ты на себя наговариваешь.

– Я не умею ничего делать по дому. Я не умею готовить, – продолжала Мила. Ее карие глаза сверкали от негодования: он давит на нее, он хочет, чтобы она уступила! – Из меня никогда не получится хорошей хозяйки, матери.

– Тебе нет и двадцати, кажется, есть время научиться чему угодно.

– Во-первых, мне уже двадцать. А во-вторых, ты готов ждать? – насмешливо сощуриив глаза, спросила Мила.

– Ради тебя я готов на все!

– Это неправда. Слова, слова...

– Почему ты так говоришь?

– Потому что я не изменюсь, а ты не будешь относиться ко мне так же через пять, десять, двадцать лет. Значит, со

временем мои «милые» недостатки станут тебя раздражать. Вопрос «когда?» – только и всего.

– Недостатки? – Максим улыбнулся. – Какие мелочи, когда есть любовь.

– Я не верю в эти романтические сказки. «Золушка» не была моей любимой книгой. Она, трудолюбивая, талантливая, красивая, могла бы добиться гораздо большего без этой безумной страсти к принцу. Вот и я уверена, что по своему складу характера я – одиночка. Романтические бредни не для меня, прости.

– Мила, сколько тебе лет? Скажи, что на самом деле ты не думаешь так. Ты шутишь? – серые глаза Максима с надеждой смотрели на нее.

– Я никогда не шучу о своем будущем.

– В нем есть место для меня? – голос Максима звучал уже менее уверенно.

– Понравится ли оно тебе? – многозначительно усмехнулась Мила.

– Я люблю тебя.

– Я не одобряю твой выбор...

Как и много лет назад Мила подумала, что Максим так и остался идеалистом, до конца верившим в то, что их жизнь станет размеренной, подчиненной решению бытовых проблем, и Мила вот-вот начнет принимать в ней активное участие, оставив работу, извечную занятость. Ему хотелось, чтобы она была просто женщиной, получающей удовлетво-

рение от простых человеческих радостей. С годами она не становилась ближе, но и тогда Смыслов пытался не упустить момент, когда и его заслуги будут замечены. Мила была не из тех, кто часто говорит слова благодарности. Она изо дня в день принимала, как должное все, что делал для нее и семьи муж. В конце концов, он сам согласился на это, заметив, как важна для Милы ее работа. Даже рождение сына не могло для нее ничего изменить.

Смыслова никто не принуждал. Максим добровольно стал для Кирилла отцом и матерью в одном лице, совмещая работу в исследовательском институте с домашней, участвуя в жизни сына, поддерживая теплые отношения с родителями Милы. Максиму приходилось нелегко, потому что Мила с удивительным постоянством забывала все, что приносит обычным людям радость: поздравлять близких с днем рождения, без повода навещать к ним в гости, выслушивать про наболевшее, интересоваться успехами сына. Она не нуждалась в этих обыденных вещах, потому что в ее расписанных по минутам неделях не было места на сентиментальные отступления. В ее взрослой жизни было выделено огромное, бесконечное пространство для работы, только для нее.

В то далекое время все только начиналось. После рождения Кирилла Мила поняла, что материнство – не та область, где она сможет себя применить. Плач ребенка вызывал у нее раздражение, желание убежать подальше от каждодневной рутины пеленок, кормлений, бессонных ночей становилось

все тверже. У Милы хватило выдержки не показать насколько она тяготится новыми заботами, но она смогла сделать так, чтобы они со временем легли на плечи Максима и ее родителей. Прошло чуть больше года после рождения малыша, а Мила уже пыталась найти работу. На прогулках с Кириллом она обязательно покупала газеты, вычитывая объявления работодателей. Кроме того, Мила обзванивала знакомых, напоминая о своем существовании. Бывшие однокурсники зачастую занимались делом, не имеющим отношения к полученной специальности. А Мила мечтала только о работе в редакции журнала, газеты. Она бредила журналистикой со старших классов школы и всегда знала, что это ее профессия. Поэтому, когда она оканчивала школу, вопрос о выборе высшего учебного заведения не стоял. Мила хотела и поступила в университет на факультет журналистики. Прочитав свою фамилию в списках зачисленных, она сделала победный жест, воскликнув: «Yes!» Это было началом ее долгого пути к успеху и признанию.

Годы учебы пролетели невероятно быстро. Миле нравилось учиться, она едва успевала замечать, как заканчивается один семестр и начинается другой. Она слыла на курсе отшельницей и зазнайкой, не замечающей никого и ничего вокруг. Для нее была важна успешная учеба, красный диплом, который должен был стать ее первой визитной карточкой. Уже получив диплом, в отличие от многих своих сокурсников, она была уверена, что не зря провела время на

студенческой скамье. Зная, что целеустремленности и трудолюбия ей было не занимать, Мила верила, что у нее все получится.

Замужество не изменило ее честолюбивых планов, не отбило у нее желания работать. Однако, по печальному опыту знакомых, Мила понимала, что ребенок отодвигает ее планы, просто тащит назад на неопределенный срок. Этого нельзя было допустить. Если все время идти навстречу своей мечте, то ей нечего будет делать, как только сбыться! Останавливаться нельзя. Потому Мила и занималась поиском работы. Опасаясь, что на это уйдет слишком времени, она быстро нашла ее. Это было сказочным везеньем! Удача протянула ей руку помощи, и Мила ликовала. Пройдя собеседование, конкурс, она получила место журналиста в хорошо раскрученном журнале. Ей доверили светскую хронику – что могло быть лучше! Мила не верила в то, что все происходит с ней и не пришлось прикладывать практически никаких усилий! Теперь предстояло убедить близких в том, что она должна работать. Ей нужно их формальное разрешение. Оно развязало бы ей руки, освободило от забот о маленьком сыне. Неужели не ясно, что карьера для нее жизненно важна?!

Максим не высказал особой радости по поводу ее стремления вырваться из дома и окунуться в работу с головой, но и противиться ее наполеоновским планам не стал. Он видел, как горят ее глаза, с каким жаром она рассказывает о том, как тепло ее приняли в коллективе, как легко далось ей со-

беседование.

– Дай мне попробовать, – умоляюще складывала руки Мила. Она делала это не потому, что всегда прислушивалась к мнению мужа. Она просто хотела соблюсти нормы приличия. Что бы Максим ни сказал, Мила поступила бы по-своему. Няньки, родители, Кирилл в яслях – способов для достижения желаемого было много.

– Почему ты все делала тайком?

– Извини, я не была уверена, что ты правильно поймешь меня, – слукавила Мила.

– Кажется, я всегда старался делать это.

– Я ведь предупреждала, что из меня не получится хорошей хозяйки.

– Но теперь ты стала матерью, – Максим пристально смотрел Миле в глаза.

– Я и об этом предупреждала, – лицо Милы напряглось. – Кирилл мой сын и я ни на минуту не забываю об этом, но я не могу быть просто матерью...

– Тебе нужно, чтобы я сказал «дерзай»?

– Очень нужно, Макс!

– Хорошо, поступай, как знаешь. Если для тебя это так важно... – Смыслов прятал за мягкой улыбкой разочарование, но противоречить Миле не стал. – Дерзай, а мы будем тобой гордиться.

Она повисла на его шее, целовала, приговаривая, что им не придется долго ждать, что очень скоро он действительно

но будет гордиться своей женой, а Кирюшка – своей мамой. Больше всего на свете ей хотелось, чтобы все узнали о том, какая она талантливая, способная, выносливая, целеустремленная. Она постарается! И с этого момента все усилия Милы были направлены на то, чтобы ее заметили, оценили. Мила старалась показать себя с самой лучшей стороны. Ради этого она допоздна засиживалась в своей маленькой, довольно тесной комнате, внося коррективы в репортаж для нового номера. В ее информации все должно быть на высшем уровне! Работая, Мила забывала обо всем и о том, что сынишка ждет от нее хотя бы звонка, чтобы услышать от мамы «спокойной ночи». Не придавая значения подобным сентиментальным мелочам, она не переживала о том, что происходит дома в ее отсутствие. Ее не волновало с кем маленький Кирилл, накормлен ли он, потому что знала: на Максима можно положиться. Он – ее надежный тыл. Смыслов разберется с любыми проблемами, сумеет сделать все гораздо лучше нее. Он поймет и не упрекнет ее за усердие. А она уверена в правильности своего выбора. Очень скоро она получит повышение, все идет к этому. Она нашла свой путь и не свернет с него. Ведь Мила никогда не скрывала, что не сможет быть просто женой и матерью. Ей жизненно необходимо быть кем-то, добиться успеха, быть замеченной. Разве можно реализовать себя, стоя у плиты, проводя время за шитьем или вязанием?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.